

Игорь Верняев: Организация и правотворчество кассационных департаментов Правительствующего Сената²³

Igor Verniaev (Saint Petersburg State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia): Organization and law-making of cassation departments of the Governing Senate

DOI: 10.31857/S2949124X24060213, EDN: RKSAQM

В последние десятилетия в историографии существенно корректируются пессимистические оценки судебной системы пореформенной России и её способности обеспечить правовой порядок и сформировать общее нормативное пространство, гибко реагируя на происходящие социальные изменения. Исследователи всё чаще отказываются от крайностей концепции правового дуализма, представлений о чуждости государственных законов и судебных учреждений для широких масс населения и несовместимости пореформенной юстиции с разнообразием сообществ и окраин империи²⁴.

В этом историографическом контексте появление основательной монографии А.Н. Верещагина о кассационных департаментах Сената вполне своевременно. Убедительна и его критика существующих исследований по кассационной сенатской деятельности за недостаточную аналитичность и преимущественно обзорно-фактографический характер²⁵. Со своей стороны, Вер-

²³ Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII — начало XX в.)», реализуемый на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

²⁴ *Wagner W.* The Civil Cassation Department of the Senate as an Instrument of Progressive Reform in Post-Emancipation Russia: The Case of Property and Inheritance Law // *Slavic Review*. Vol. 42. 1983. № 1. P. 36–59; *Wagner W.* Family law, the rule of law, and liberalism in late imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1995. H. 4. S. 519–535; *Wagner W.* Civil Law, Individual Rights, and Judicial Activism in Late Imperial Russia // *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: power, culture, and the limits of legal order* / Ed. by P. Solomon. N.Y., 1997. P. 29–44; *Kirmse S.* The Lawful Empire. Legal Change and Cultural Diversity in Late Tsarist Russia. Cambridge, 2019; *Burbank J.* Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington, 2004; *Burbank J.* An Imperial Rights Regime: Law and Citizenship in the Russian Empire // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 7. 2006. № 3. P. 397–431; *Gaudin C.* Ruling Peasants: Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb, 2007; *Neuberger J.* Popular Legal Cultures: The St. Petersburg *Mirovoi Sud* // *Russia's Great Reforms, 1855–1881* / Ed. by B. Eklof, J. Bushnell, L. Zakharova. Bloomington, 1994. P. 231–246; *Neuberger J.* When the Word Was the Deed: Workers vs. Employers Before the Justices of the Peace // *Workers and the Intelligentsia in Late Imperial Russia: Realities, Representations, Reflections* / Ed. by R.E. Zelnik. Berkeley, 1999. P. 292–308; *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 3. СПб., 2015. С. 9–165; *Горская Н.И.* Земство и мировой суд в России: законодательство и практика второй половины XIX века (конец 50-х — конец 80-х гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009; *Попп И.А.* Мировой суд в Пермской губернии. Екатеринбург, 2011; *Верняев И.И.* Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2019. № 4; *Верняев И.И.* Историческая динамика судебно-правовой интеграции Российской империи. СПб., 2021; *Верняев И.И.* Регионализация, адаптация и укоренение пореформенной юстиции на окраинах Российской империи // *Уральский исторический вестник*. 2024. № 1(82). С. 33–42.

²⁵ Особняком стоят исследования У. Вагнера (*Wagner W.* Op. cit.). Проведённый им анализ нормотворчества Сената в сфере семейно-брачного и наследственного права показал, что Гражданский кассационный департамент (ГКД) смог адаптировать действовавшее законодательство к менявшимся потребностям и условиям жизни российского общества. При этом полномочия Сената в области судебного правотворчества, по мнению Вагнера, были уникальны и для России, и для континентальной Европы. Верещагин во многом разделяет и развивает эти наблюдения.

шагин рассматривает организацию и решения Сената с учётом особенностей функционирования и изменения судебной системы в пореформенное время. Полемизируя с критически настроенными публицистами и историками, автор констатирует, что новым судам в целом удалось обеспечить принцип равенства перед законом, и они реально оказались востребованными разными слоями общества, доказав свою эффективность. Верещагин опровергает широко распространённое мнение о том, что громадное большинство жителей России (прежде всего крестьяне) не имели возможности прибегать к нормам Свода законов и обращаться в действовавшие в соответствии с ними учреждения. Напротив, судя по приведённой в книге статистике постановлений ГКД за 1900 г., в около 20% решённых им дел хотя бы одной из сторон выступали крестьяне. Крестьянские поземельные тяжбы в изобилии велись в окружных судах (с. 84). Учитывая это важное наблюдение, исследователям ещё предстоит изучить динамику состава участников кассационных процессов и выявить степень вовлечённости в них тех или иных социальных слоёв.

Как отмечает автор, в пореформенной России суды разного уровня стали центром всей юридической жизни, к которому институционально были привязаны прокуратура, адвокатура (присяжные и частные поверенные), нотариат, судебные следователи, приставы. Вместе с тем, отчасти вследствие дефицита человеческих и материальных ресурсов, полноценные в профессиональном отношении органы юстиции приходилось дополнять упрощёнными, но при этом более массовыми (общие и мировые суды, присяжные и частные поверенные, старшие и младшие нотариусы и т.п.) (с. 105–107). Коллегиальный характер принятия решений существенно ограничивал попытки министерства воздействовать на отдельных судей при помощи поощрений и замечаний и обеспечивал их самостоятельность и независимость (с. 96–97).

Мимоходом автор упоминает и об этноконфессиональном составе судебного ведомства, который заслуживает, конечно, отдельного освещения. Как пишет Верещагин, «кассационных сенаторов польского происхождения было немало» (с. 116). Полякам не доверяли вершить суд лишь в губерниях Западного края и Царства Польского. В то же время «лиц иудейского вероисповедания... на судебные должности действительно не назначали» (с. 117). Однако «проявления антисемитизма» на процессах «Сенат решительно пресекал» (с. 119–120). Своя специфика, связанная со службой местных уроженцев, существовала в округе Кавказской судебной палаты; ряд конфессиональных ограничений применялся в Прибалтике. В целом же картина была сложной, меняющейся и различающейся в зависимости от условий той или иной окраины²⁶.

Во многом позитивно в монографии оценивается судебная реформа 1889 г. (обычно именуемая в историографии «контрреформой»), которая способствовала сближению крестьянских волостных судов с общегражданскими. Волостная юстиция постепенно двигалась в направлении всё более широкого использования норм Свода законов, а не обычного права. Нельзя признать контрреформаторской мерой и перераспределение реформой 1889 г. подсудности в пользу волости. Приговоры волостных судов теперь могли быть обжалованы в уездных и губернских смешанных судебно-административных учрежде-

²⁶ Подробнее см.: *Верняев И.И.* Адаптация мировой юстиции...; *Верняев И.И.* Динамика кадрового состава имперской мировой юстиции в Прибалтийском крае, 1889–1913 гг.: русификация vs коренизация, элитарность vs демократизация // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2023. № 1(45). С. 61–93.

ниях, а также в Соединённом присутствии Первого и одного из кассационных департаментов Сената (с. 233–235). Было бы интересно проследить динамику численности и характера сенатских дел, приходивших из волостей, но этот сюжет ещё нуждается в изучении.

Как показал Верещагин, основным фактором изменений в устройстве кассационных департаментов Сената являлся постоянный рост числа поступающих дел. Причину этого исследователь видит в том, что сенатская практика не в полной мере соответствовала модели, заложенной в Судебных уставах 1864 г. Сенат в значительной степени превратился в ещё одну апелляционную инстанцию, в том числе для мировых судов, которые и порождали большую часть дел, поданных на кассацию. И в мировых съездах, и в судебных палатах, а зачастую и в Сенате практиковалась полная апелляция, и проходило новое словесное состязание сторон вместо судебного доклада. При слабой проработанности процессуальных форм недовольные апелляционным решением надеялись на его пересмотр в высшей инстанции. Именно это порождало большой поток кассационных жалоб и отчасти превращало Сенат в «суд справедливости» (с. 308–315). В итоге «прогнозировать исход кассационного обжалования стало весьма затруднительно», поскольку «никакая форма и, соответственно, никакое её нарушение не были существенны сами по себе (*per se*), а всё зависело от взглядов кассационного суда, от его оценки». Более того, «отсутствие обязательных форм судопроизводства во многом стирало различие между государственным (коронным) судом и судом третейским» (с. 314). Между тем Дж. Нойбергер, анализируя эволюцию мировой юстиции, напротив, указывала на всё большую её формализацию со временем даже на этом, низовом уровне нового суда²⁷. Высказывая не звучавшие ранее идеи по дискуссионному вопросу, автору стоило бы подробнее изложить встречающиеся в научной литературе разногласия.

Необходимо отметить и то, что увеличение нагрузки свидетельствовало не только об изъянах судопроизводства, недостатке нормирования или непонимании участниками процессов смысла кассации, но и о росте востребованности пореформенных судов. Впрочем, для лучшего понимания наметившихся тогда тенденций необходим детальный анализ судебной активности, включая расчёт на единицу населения по империи в целом и по отдельным регионам.

Рост нагрузки и сложности многих кассационных дел требовал внутренней специализации в устройстве Сената (региональной и по сферам права), но при этом следовало обеспечить единство кассации, т.е. единообразное толкование и применение правовых норм. Это противоречие представляло, по мнению автора, главный «нерв» в деятельности кассационных департаментов, которым приходилось идти на институциональные компромиссы, что отчётливо проявилось в ходе четырёх реформ Сената (1877, 1889, 1901 и 1913 гг.) и соответственно на протяжении пяти примерно 12-летних циклов его эволюции (с. 175–176, 268–273, 294–295, 308).

Характерно, что на Кавказе, в Сибири и Туркестане кассационные функции выполняли Тифлисская, Омская, Иркутская, Ташкентская судебные палаты, снимавшие тем самым с Сената часть его бремени (в последние годы существования империи они рассматривали более 4 тыс. дел в год) (с. 144–145). К сожалению, в монографии не показано, в какой мере это нарушало единство

²⁷ Neuberger J. Op. cit.

кассации, какова была специфика нормотворчества отдельных палат, насколько они ориентировались в своих решениях на толкования Сената, наблюдались ли (и как широко) различия в применении и интерпретации законов? Для выяснения этого требуется детальный анализ кассационной деятельности судебных палат, ещё не проведённый историками.

Судебная реформа 1889 г., ликвидировав большую часть мировых судов во внутренних губерниях (а в начале XX в. и в Северо-западном крае) и создав кассационные инстанции губернского уровня, также не способствовала единству правоприменительной практики, но вместе с тем существенно, хотя и временно, сократила загруженность Сената. Так или иначе, число сенаторов неоднократно приходилось увеличивать, что Верещагин считает вполне прагматичным и эффективным способом, ненадолго снимавшим остроту проблемы.

Кроме того, с 1877 г. осуществлялось разделение кассационных дел на отделенские (сравнительно простые и типовые, которые рассматривало присутствие из 3–4 сенаторов), и департаментские (более сложные и требовавшие толкования или дополнения действующих норм, для чего в департаменте собиралось не менее 7 человек). Это сопровождалось также радикальным сокращением публикации решений. Постепенно сенаторы начинали специализироваться на делах определённого типа (с. 296–297, 319–320).

Сенат получил право разъяснять законы не только при рассмотрении дел, но и во внесудебном порядке, что опять же могло способствовать сокращению числа кассационных процессов благодаря обобщению судебной практики. Однако автор привёл очень мало примеров таких внесудебных разъяснений и отказался от их подробной типологии и анализа. В то же время, по его словам, необходимость сокращения нагрузки вела к введению кассационного залога, вызвала усиление полномочий канцелярии и смещение центра тяжести при принятии решений на обер-прокуроров, заставляла использовать сокращённый порядок рассмотрения дел, не связанных с новым толкованием закона, и т.д. (с. 137–141, 155–158, 177).

О вынужденном размывании принципа единства кассации из-за роста специализации и судебной нагрузки свидетельствовало и проведение общих совещаний, призванных сохранить единообразие деятельности Сената и результатов толкования и применения им законов. На них при участии сенаторов, обер-прокуроров и приглашённых экспертов-практиков обсуждались спорные правовые коллизии, от прояснения которых зависело затем решение того или иного конкретного дела на заседании кассационного департамента. Впоследствии эти неформальные совещания частично легализовали (с. 325–334).

В целом, убедительно обосновав тезис о нараставшей загруженности Сената в условиях всё большей специализации правовых сфер и необходимости сохранения единства кассации и интеграции правового поля империи, автор уклонился от подробного анализа кассационных дел — распределения их по типам, по регионам, откуда они поступали, по социальному и этноконфессиональному составу участников, по принятым решениям. Всё это совершенно необходимо для лучшего понимания собственно деятельности Сената, а не только его «кухни». Так, исследователь указывает на преобладание дел из Западного края и, в частности, из Виленской губ., но его наблюдение носит скорее оценочный характер и не опирается на систематическое исследование

особенностей судебной активности в различных губерниях. Неудивительно, что объяснять его приходится выдержкой из юбилейной статьи о сенаторе В.Л. Исаченко (с. 243–244), которой явно недостаточно.

Говоря о формальных и неформальных методах работы Сената, Верещагин не забывает и о личностях сенаторов. В книге содержится немало их ярких портретов и характеристик, отражающих черты государственного, социального, культурного облика и человеческих качеств. В совокупности они предстают как высокопрофессиональное, исключительно трудолюбивое и преданное закону сообщество. Особо отмечены содержательные и стилистические достоинства сенаторских заключений. Многие из них являлись масштабными аналитическими трудами, опиравшимися на исторические, технологические, экономические и иные изыскания. Сенаторы нередко становились настоящими экспертами в самых различных сферах.

Не игнорирует Верещагин и околосенаторскую среду, будь то обер-прокуроры, на которых лежала подготовка решений Сената, или канцеляристы и помощники разного статуса и функционала. В частности, описан режим их повседневной службы, упомянуто о появлении женщин на канцелярских должностях (с. 137–142). Интерес к этим сюжетам вполне соответствует тенденциям в современной историографии и юридической антропологии.

Анализируя место и миссию Сената в системе управления и вообще в жизни поздней империи, автор отмечает ощущавшийся в стране в конце XIX – начале XX в. «регулятивный голод». Именно потребностью в правовых разъяснениях и прецедентах он объясняет частые обращения к Сенату, который был «решительным правотворцем» (с. 447).

Причём основным средством развития права для сенаторов, как утверждает Верещагин, всегда оставался прецедент, т.е. решение по конкретному делу, призванное служить образцом при рассмотрении других подобных случаев. Вопреки мнениям иных историков, автор настаивает на том, что прецедентное право получило в России достаточно широкое распространение (с. 317).

Для демонстрации «кухни» Сената в монографии избраны и детально разобраны четыре эпизода в различных правовых сферах: определение понятия «эксплуатация» применительно к железным дорогам (с. 448–464); создание конструкта крестьянского «двора», дворовой семейной собственности и модели её наследования (с. 465–482); установление и разграничение категорий клеветы и диффамации (опозорения) (с. 483–508); регулирование приобретения церковных земель на основании давности владения (с. 509–523). Каждый из этих сюжетов изложен мастерски, но всё же не хватает общего систематического обзора областей сенатского нормотворчества и характеристики ключевых прецедентов. Верещагин констатирует, что существовали «целые группы правоотношений, не нормированных законодательной властью», и многие из них разрабатывались Сенатом. Но что именно становилось актуальным в те или иные периоды, какие регионы, социальные круги и сферы жизни преимущественно привлекали к себе внимание?

Имперское измерение кассационной деятельности Сената и её влияние на развитие региональных правовых систем в книге, по сути, не освещается. К примеру, о бессарабском праве автор пишет исключительно для демонстрации использования сенаторами римско-византийских источников при толковании региональных норм (с. 415–417). Упоминается также, что дела прибалтийских губерний в ГКД были сосредоточены в руках товарища

обер-прокурора, заведовавшего шестым столом. В присутствии, которому он представлял свои заключения, обычно заседали одни и те же сенаторы, хорошо знавшие юридические особенности Остзейского края (с. 319). Но тематического анализа судебных дел и их динамики не представлено. Между тем немаловажно, в какой мере Сенат осуществлял интеграционную функцию по отношению к правовому пространству империи, и как часто прецеденты, порождённые определённым региональным контекстом, становились нормой для других частей государства. Насколько успешно и какие именно люди и сообщества в разных губерниях пытались при помощи Сената разрешить местные конфликты? Для понимания этого необходимо системное исследование связи хозяйственных, этноконфессиональных, сословных, культурно-правовых условий окраин с типологией и объёмом поступающих оттуда кассационных дел.

Верещагин указывает на то, что сенатские решения в практике судов во многом заменяли законодательство, существенно влияя на жизнь. Но, к сожалению, конкретные примеры он приводит довольно скупо. Так, отмечено увеличение числа товариществ по вере после того, как Сенат в 1909 г. объявил, что подобное объединение не отвечает своим имуществом за личные долги учредителя (с. 368).

Уставы 1864 г. наделили Сенат в том числе и функцией надзора за нижестоящими учреждениями и должностными лицами судебного ведомства. Однако в книге о ней лишь бегло упоминается, как и о её реализации в ходе сенаторских ревизий (с. 145). Возможно, раскрыть данный аспект сенатской деятельности помогут отчёты о ревизиях мировых съездов, собранные комиссией Н.В. Муравьёва. К примеру, в отчёте Ф.А. Винка отмечалось, что в Киевской губ. кассационная практика Сената «несомненно оказывает огромное влияние на мировых судей и съезды в смысле правильного понимания и применения законов»²⁸. Статистика и география уваженных и отклонённых кассационных жалоб отражена в отчётах председателей мировых съездов за 1895 г., находящихся в материалах той же комиссии²⁹.

В целом нельзя не признать, что монография А.Н. Верещагина — значимое явление в историографии. Она вносит существенный вклад в старые споры о статусе Сената и открывает новые сюжеты, предлагая оригинальную концепцию нормотворческой деятельности сенаторов и эволюции пореформенной судебной системы.

Обозначив жанр своей книги как очерки, автор сознательно лишь намечает многие сюжетные линии, не раскрывая их в полной мере. И это вполне оправданно, поскольку их систематическая разработка ещё впереди. А.Н. Верещагин не спешит подводить итоги, делать окончательные выводы и оценки. Но, опираясь на его монографию, изучать роль Сената в империи будет значительно проще.

²⁸ РГИА, ф. 1405, оп. 515, д. 43.

²⁹ Там же, д. 36.